

Harry Walter, Valerij Mokienko, Ewa Komorowska, Krzysztof Kusał, **Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями)**. – Greifswald : Szczecin: volumina.pl Daniel Krzanowski, 2014. – 433 с.

Сопоставительная паремиография со времён Эразма Роттердамского была одним из популярных фольклорных и словарных жанров. В последнее время эта старая традиция получила новый импульс благодаря активному интересу лингвистов к пословицам и поговоркам. Лингвистические методы их изучения позволяют не только более точно определять их семантику и стилистику, но и делают объект их описания более лексикографичным. Словарь, изданный в Щецине и составленный авторами из России, Германии и Польши, основывается именно на лингвистическом прочтении русских, немецких и польских пословиц, что позволяет более упорядоченно скомпоновать паремии близких типов и в то же время разграничить эквиваленты, отражающие их национальную специфику.

В какой-то мере рецензируемый словарь может стать моделью для изучения динамики пословичного фонда европейских языков и избежать переоценки национального колорита пословиц, особенно характерный для совре-

менной русистики, под влиянием теории А. Вежбицкой рисующих русскую языковую картину мира без сопоставления с другими языками.

Словник, предложенный составителями, включает богатый паремиологический материал, извлечённый ими как из наиболее авторитетных собраний и словарей национальных паремий, так и отобранный ими путём опроса носителей прежде всего русского языка. При таком отборе автор русской части (В.М. Мокиенко) ориентировался на достаточно активную часть паремиологического фонда, хотя, естественно, не мог исключить из словника те паремии, которые не столь активно употребляются, но зато отмечены в классической литературе. Вот почему число паремий исходного русского языка и сопоставляемых с ним немецких и польских эквивалентов различно: русских пословиц в словаре 630, в то время как немецких 1825, а польских – 1990. В богатой сопоставительной части, правда, нередко представлены не только активные немецкие и польские пословицы, но и их многочисленные варианты, относящиеся не только к ядру соответствующих паремиологических фондов, но и к их периферии.

Понятно, что за такой несколько «глобализированный» подход к эквивалентике авторов можно было бы упрекнуть. Однако, опытные лексикографы с полной ответственность сознавали опасность такого расширения и, как кажется, надёжно подстраховались от неё. Практически к каждой пословице и её эквивалентам они разработали и последовательно применили систему точных и понятных визуализированных помет, градуирующих материал по шкале «высокочастотная паремия – низкочастотная, периферийная». Покажем это на примере одной из типичных словарных статей (стр. 243):

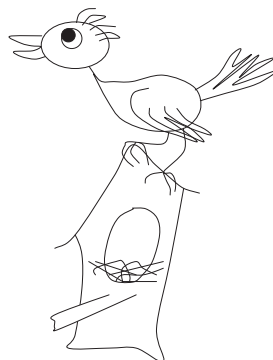
ПТИЦА

395. ★ Птицу (сокола, сову) видно (знать) по полёту; Видна птица по полёту.

Жуков 1966, 81-82; ШСП 2002, 204–205.

= ★ Man kennt den Vogel an den Federn. // Den Vogel kennt man an den Federn. An den Federn erkennt man den Vogel.
Fink-Henseler, 577; Weidenfeld 2000, 15; Zwilling 2001, 25. It.: Gii uccelli si conoscono alle penne. Lat.: Ex pennis cognoscitur avis. Wander 4, 1649.

≈ 🐦: **Den Vogel kennt man am Gesang.** *Fritz 2003, 171.*

≈ **Am Trillern erkennt man die Lerche.** *Weidenfeld 2000, 14.*

≈ ★ **Man sieht am Nest, was für ein Vogel darin wohnt.** *Sprichwörter 1978, 11.*

≈ **An den Klauen erkennt man den Löwen (Vogel).** »Bedarf es denn immer der Klaue, dass man den Löwen erkenne? Auch nur eine Flechte seiner Mähne ist oft genug.« Wird meist ironisch gebraucht, soll aber, nach Lucian, dem Phidias seine Entstehung verdanken, von dem man erzählt, er sei im Stande gewesen, nach der Klaue eines Löwen die allen Teilen proportionierte Gestalt eines Löwen zu fertigen. Frz.: *A l'ongle on connaît le lion. // On connaît le cerf à ses abattures.* Holl.: *Naar den klaauw moet het beest wezen. // Uit den klaauw kent men den leeuw.* Lat.: *Ex ungue leonem. // Leonem ex unguibus aestimare.* *Wander 2, 1369.*

≈ **An der Frucht erkennt man den Baum.** Engl. *A tree is known by its fruit.* Lat.: *De fructu arborem cognoscas.* Tschech.: *Ptáčka pozná po zpěvu.* *Schmelz 1990, 33.*

≈ **An den Taten sollt ihr sie erkennen.** *Zwilling 2001, 25.*

Poln. = ★ **Ptaka <Orla> można z lotu poznać.** *WZ 2001, 194; Stypuła 2003, 52; 755.*

≈ **Poznać ptaka po śpiewie jego.** *WZ 2001, 194;*

≈ **Poznać ptaka po piórach.** *WZ 2001, 194;*

≈ **Znać ptaka po pierzu.** *WZ 2001, 380; Stypuła 2003, 52; 755; 869.*

≠ ★ **Poznać [Znać] pana po cholewach.** *WZ 2001, 350; Stypuła 2003, 52. 755; 868; 869;*

≠ **Znać człowieka po skórze.** *WZ 2001, 194; Stypuła 2003, 755; 868.*

≠ **Poznać lisa po ogonie.** *Stypuła 2003, 755; 868.*

≠ **Lisa z ogona poznać.** *Stypuła 2003, 755; WZ 2001, 299.*

≠ **Znać lisa po sierści.** *Stypuła 2003, 755; 868.*

≠ **Poznać lwa po pazurach.** *Stypuła 2003, 52; 755.*

< Пословица известна и другим славянским языкам (например, украинскому и белорусскому). Высота и манера полёта, окраска и форма крыльев – основные различительные признаки птиц. *Bruegel 2013, 328–329.*

Чтобы читатель по достоинству оценил такую филигранную работу, детально дифференцирующую описываемые пословицы в трёх языках (как и их остроумные иллюстрации, созданные Региной Вальтер), приведём расшифровку системы применённых знаков (которая даётся в предисловии по-польски и обращена к польскому читателю) – она разработана проф. Х. Вальтером:

Pierwszy parametr realizowany jest poprzez podział na 3 grupy przysłów, oznaczone w słowniku odpowiednimi symbolami:

★ – aktualne

 – zrozumiałe, lecz rzadko używane

 – zrozumiałe, lecz nieużywane

Drugi parametr realizowany jest również poprzez podział na 3 grupy przysłów oznaczone w słowniku umownymi symbolami:

= tożsamość

≈ ekwiwalenty z podobnym obrazem

≠ ekwiwalenty z różnym obrazem

W przypadkach, w których w niemieckich i polskich źródłach nie odnaleziono ekwiwalentu rosyjskiego przysłowia, zamiast niego przywoływany jest dosłowny przekład jednostki oznaczany symbolem * (gwiazdka):

Symbol ☺ (emotikon) to dodatkowa możliwość dyferencjacji dość szerokiego zasobu niemieckich i polskich jednostek prezentowanych czytelnikowi. Należy jednak zauważyć, że jest to parametr o charakterze subiektywnym: symbolem ☺ oznaczone są te jednostki, które uznane są za najlepsze ekwiwalenty z punktu widzenia twórców słownika. Oczywiście nie można mechanicznie stosować ich w dowolnym kontekście jako ekwiwalenty danego rosyjskiego przysłowia.

По поводу последнего дополнительного знака – ☺ (смайлика), хочется заметить, что он особо инновативен и оригинален. Этим знаком авторы обозначают те эквиваленты, которые наиболее удачны с их собственной точки зрения, настаивая на частотности того эквивалента, который предлагается. Несмотря на определённый субъективизм, этот знак достоин доверия уже потому, что соответствующие эквиваленты предлагают авторы-носители соответствующих языков, имеющие большой лексикографический опыт и тонкое языковое чутье. Здесь, в сущности, составители словаря уже входят в роль креативных переводчиков, предлагающих читателю не букву, а дух образных единиц, межъязыковой знаменатель, который они взыскующе находят. Читателям такой поиск поможет ориентироваться в лабиринте немецких и польских эквивалентов.

Благодаря такой визуальной дифференциации внимательный читатель сможет не просто сопоставить русские пословицы с польскими и немецкими, но и оценить различия даже тождественных по структуре паремий по таким важным для переводчика параметрам, как частотность употребления и стилистическая маркированность.

Нельзя не упомянуть и о ещё одном весьма полезном параметре словаря, который не только облегчает пользование им, но и превращает его в «три словаря в одном». Авторы снабдили словарь точными индексами пословиц по каждому языку, что позволяет читателю моментально найти нужную пословицу и расширяет сферу использования этого словаря.

Конечно, одной из задач словаря была демонстрация европейской общности описываемых пословиц разных народов. Отсюда и достаточно обильные ссылки на параллели других языков. Однако, авторам удалось избежать и другой крайности – паремиологического глобализма, интерпретирующего пословицы как универсалии, без учёта их национальной специфичности. Так, своеобразная оригинальная образность не просто подчёркивается, но и ком-

ментируется авторами на фоне параллелей из немецкого и польского языков. Таковы, например, паремии **Жизнь прожить (пережить) – не поле перейти** (с. 131); **На ловца и зверь бежит** (с. 179); **На халяву и укус сладкий** (с. 321). Информация такого рода почти всегда обосновывается авторами в культурно-исторических комментариях, которые приводится в конце словарной статьи. Хочется подчеркнуть их особую значимость, ибо, к сожалению, в большинстве паремиологических собраний и словарей этого параметра либо вообще нет, либо он усечён до спорадических глосс – часто, между прочим, народно-этимологического, а то и прямо «националистического» характера. В рецензируемом же словаре историко-этимологические комментарии яркие и убедительны именно потому, что они доказываются лингвистически. Таковы, например, комментарии к уже названным трём русским пословицам:

Жизнь прожить (пережить) – не поле перейти

Пословица представляет собой отрицательное сравнение, типичное для русского фольклора (ср. *Голод не тетка, Дело не медведь*) и уже потому исконное. Она употреблялась также в вариантах: *Жизнь пережить – не поле перейти, Век пережить – не поле перейти*. Последний вариант, видимо, – самый древний, ибо в записи XVII–XVIII вв. он сохраняет рифмованную форму: *Век пережить – не поля перейти*. Ср. также: *Жизнь изжить – не лапоть сплесть; Жизнь прожить – не море переплыть; Жизнь прожить – не мутовку облизать; Жизнь изжить – и других бить, и битую быть* и т. п. Близкие по смыслу пословицы имеют иную образность: *Жизнь прожить – не мутовку облизать; Жизнь прожить – что море переплыть; На веку, как на долгом волоку; На веку – не на боку: всего будет; На веку живёт притчей много*.

Не менее богаты варианты пословицы в близкородственных языках: бел. *Жыццё (жытку) пражыць – не поле перайсі [і не песеньку спець]; Жыццё пражыць – не лапці сплесць; Жыццё пражыць – не штаны знасіць; Жытку пражыць – не люльку выкурыць; Жысьць пражыць – не канфетку з’есці; Век пражыць – не кашулю пашыць; Век пражыць – ір не палукашак пашыць; Век зжыць – не мех сшыць; Жыць – не мех шыць; Век звекаваць – не пальцам паківаць; Век пражыць, як у ступе пратаучы и др.; укр. Вік прожити (пережити) – не поле перейти; Вік прожити – не річку перейти; Життя прожити – не поле перейти; Життя прожити – не лапті сплести; Життя прожити – не люльку викурити; Життя прожити – не те, що ложку облизати; Життя прожити – не ябка вкусити; Вік прожити – не дощову годину перестояти; Вік прожити – не цигарку спалити; Вік ізвікувати (провікувати) – не в гостях побувати; Вік ізвікувати – усього повидати; Вік не вилами перепхати и др.*

Такие пословичные сопоставления позволяют и предельно конкретизировать образ трудной человеческой жизни, противопоставляемой ровному полю. Так, у украинцев она уподобляется уже прямо стерне – сжатому полю с жёсткими

остатками стеблей, о которые можно больно уколоться: *Життя як шержиста (терниста) нива: не пройдеши, ноги не вколовиши*. Ясно, что такой образ мог родиться именно у тех, для кого пахотное поле – и источник жизни, и её многотрудный смысл, т. е. крестьян, землепашцев.

На ловца и зверь бежит

Пословица исконно русская, известна примерно с XVI–XVII вв. Оно включает в себя архаизм *ловец* «охотник», образованный от др.-рус. *ловити* «охотиться» (ср. др.-рус. *ловитва* «охота»). Ср. *Птица сама летит на охотника*, бел. *На лаўца і звер бяжыць*, укр. *На стрільця і звір біжить*; франц. *Qui bien chasse, bien trouve* – «Кто хорошо охотится, тот и хорошо находит». Шуточный вариант *Купец ловец, а на ловца и зверь бежит* – позднейшего происхождения.

На халяву и уксус сладкий

Жаргонное выражение *на халяву* бесплатно, даром', являющееся частью пословицы, сформировалось на основе слова *халява*, *холява*, имеющего праславянский корень **cholav-/*chalav-* и отражающего особо тесное взаимодействие восточнославянских и польского языков. Одни его значения и производные слова – „неряшливая, некрасивая женщина”, „опустившаяся проститутка”, „неряха, растрёпа” прямо связаны с украинской и белорусской лексемой *халява* (*холява*) «голенище», «обмотки вокруг обуви или нижней части портков», имеющими параллели во всех славянских языках. Современное же значение – „бесплатный, получаемый за чужой счёт» и т.п. – результат позднейшего развития в языковой стихии русского жаргона, благодаря его употреблению в составе оборота *на халяву*. Он же, в свою очередь, образован по модели с предлогом *на*: *на дармовщину*, *на дармовщину*; *на шаромыжку* ‘за чужой счёт, даром’; *на дурика* (мол.) „задаром; хитро, обманом; нагло”. Ср. жаргонные обороты *брать/взять на арапа* кого; *брать на понт* кого; *брать на понял* кого; *брать на пушку* кого; *брать на характер* кого; *брать на хrap* кого – «действовать по отношению к кому-л. нагло, дерзко, применяя грубый нажим”.

Разработка таких комментариев, как известно, имеет длительную историю и связана с диахронической направленностью фразеологической тематики, многоаспектно исследуемой в научном семинаре В.М. Мокиенко и Х. Вальтера. Такие словари, как, например, *Русская фразеология. Историко-этимологический справочник* (авторы А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова), *Фразеологизмы в русской речи* (авторы В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович), *(K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie* (авторы Н. Walter, V.M. Mokienko), *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren* (авторы Н. Walter, E. Komorowska, A. Krzanowska и др.) и многие другие стали надежным фундаментом культурологических

и историко-этимологических комментариев, включенных в рецензируемый словарь. Будем надеяться, что в последующих его изданиях их количество и объём будут расширены.

Уже подчёркивалось, что приоритетом отбора пословиц в словарь была именно активность их употребления. Поэтому большинство из них можно было бы легко продемонстрировать контекстами из русской классики, публицистики и современных средств массовой информации. К сожалению, этот параметр в словаре пока отсутствует, а он мог бы стать надёжной иллюстрацией в целом корректных дефиниций к описываемым пословицам.

Как видим, авторам словаря удалось комплексно описать 630 русских пословиц на фоне богатого выбора немецких и польских эквивалентов. Точные семантические дефиниции, демонстрация актуальности (resp. частотности) употребления пословиц во всех трёх языках и их вариантности, широкий культурологический фон и историко-этимологические комментарии – всё это делает книгу русских, немецких и польских авторов значимым и инновативным вкладом в современную славянскую паремиологию.

Natálie Rajnochová
Univerzita Karlova
Praha